

многим произведениям ее в известное данное время... Основанием его в обширном смысле бывает идея современной эпохи...» И партии не должны сводиться к личностям, журнальной перебранке. Они заостренное выражение программ направлений.

П. выступает прямым предшественником Белинского в своих рассуждениях о направлениях и партиях в журналистике и литературе. Это было новое слово в теории литературы, ее методологии. Принцип социальной оценки увенчивал оценку явлений согласно месту, времени возникновения и национальной характерности.

Свое романтическое кредо П. выражал в таких формулах: «Человек прежде всего бывает движим фантазией», «чувства развиваются в человеке прежде всех других способностей». П. разъяснял Катенину, что у писателя «дарование и ум совершенно различны», не всегда совпадают. Мало одной образованности, нужно еще и вдохновение, мало знать, надо еще и уметь художнически воплотить свой идеал. Катенин, напр., «хорошо понимает сущность истинной поэзии, но не умеет выражать ее в изящных созданиях». П. изгоняет остатки классицистического рационализма, нормативизма, которые для него синонимы аристократизма.

П. ратовал за острую современность в искусстве, против подделок и подражаний, ухода в экзотику и прошлое. Он ради укрепления самобытности русской литературы даже обрушился на сказки Пушкина и Жуковского, усмотрев в них симптом нежелательного «нового направления» в литературе: «Остановитесь! Довольно опытов и неудачных странствований в чужие владения. Будьте русскими не прошедших веков, но настоящего времени».

Взгляды П. страдали узким либерализмом, доктринерством. Он был монархистом, человеком компромиссов, противником революционных методов борьбы за права «среднего сословия». Он отрицал даже народный характер войны 1812, приписывая все заслуги и победы Александру I. Он не понимал значения реализма и народности Пушкина, отождествляя великого поэта с «аристократической партией», а «Бориса Годунова» с «Ермаком»

Хомякова. Само учение о направлениях и партиях еще страдает у него описательностью, расплывчатостью. П. требовал идеализации добродетелей купечества, мещанства, упрекал М. Погодина в «Черной немочи» за мрачные картины.

После закрытия «Московского телеграф» П. в 1835—44 редактировал журн. «Живописное обозрение», занимался переводами. Власти отклонили его ходатайство о приобретении права на издание «Московского наблюдателя», затем «Библиотеки для чтения». В 1849 он переехал в Петербург, стал сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях», сошелся с Гречем. Сотрудничал в «Северной пчеле» Булгарина. В 1856 — 58 издавал собственный иллюстрированный журн. «Живописная русская библиотека». Сделался официальным журналистом, не принимавшим деятельности Белинского, Герцена, писателей «натуральной школы». С 1860 отошел от литературы. Занялся составлением своих мемуаров. Отдельным изданием они вышли в 1888.

Соч.: М. В. Ломоносов, ч. 1—2, Пб., 1887; Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого, Спб., 1888.

Лит.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова, Л., 1934; В. Г. Березина, Н. А. Полевой в «Московском телеграфе», «Учен. зап. ЛГУ», 1954, вып. 20; Е. Н. Куприянова, Н. А. и К. А. Полевые. В кн.: История русской критики, т. I, М.—Л., 1958, с. 239—261.

ПОЛЕВОЙ, Николай Алексеевич [22.VI (3.VII). 1796, Иркутск, — 22.II(6.III). 1846, Петербург] — писатель, журналист, литературный критик, историк. Происходил из старинного и богатого курского купечества. Отец служил в Иркутске управляющим Российско-американской компании, владел фаянсовым и водочным заводами. Но дела его пошатнулись. Незадолго до нашествия Наполеона семья переехала в Москву, затем обосновалась в родном Курске. В 1822 П. наследовал дело отца. Систематического образования не получил. Его влекла литературная деятельность. Самоучкой овладевал знаниями. Читать начал с 6 лет, беспорядочно. Цирюльник из наполеоновской армии, итальянец, показал ему произношение французских во-

кабул, музыкальный учитель, богемец, научил его немецкой азбуке. Новые миры раскрылись перед П. Впервые приехав в Москву, он пристрастился к театру. Вольнослушателем посещал лекции в Московском ун-те: слушал Мерзлякова, Каченовского, Гейма.

Печататься начал с 1817: в «Русском вестнике» С. Н. Глинки появилось его описание посещения Александром I города Курска. В февр. 1820 выехал из Курска в Москву. Летом 1821 посетил Петербург. Видел в литературных кругах Грибоедова, Жуковского, познакомился с Булгариным, Гречем. П. был принимаем как «купец-самоучка», «самородок». П. Свиньин печатал в своих «Отечественных записках» его статьи на литературно-исторические темы, стихи, переводы (повестей г-жи Монтолье). В 1821 П. сочинил «Новый способ спряжения русских глаголов», за что получил от Российской академии серебряную медаль. Сблизился с В. Ф. Одоевским, познакомился с философией Шеллинга и его толкователями. Печатался в «Мнемозине», «Сыне Отечества», «Северном архиве», «Трудах Общества российской словесности».

В 1825—34 П. издавал «Московский телеграф», журнал «литературы, критики и художеств». Это самое главное дело жизни П., имеющее большое историческое значение. П. первый создал тип русского энциклопедического журнала; по этому образцу позднее были созданы «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Современник». Ставя целью «знакомить со всем интересным» в России и на Западе, П. завел четыре отдела в журнале: 1) наука и искусство, 2) словесность, 3) библиография и критика, 4) известия и смесь. П. черпал материалы из либеральных французских журналов «Le Globe», «Revue française», солидного шотландского «The Edinburgh Review». Поддерживал тесные контакты и взаимную информацию с «Revue encyclopédique» Жюльена де Пари. П. придавал принципиальное значение отделу критики в журнале. Позднее он сам писал: «Никто не оспорит у меня чести, что первый я сделал из критики постоянную часть журнала русского, первый обратил критику на все важнейшие современные предметы».

В 1830—31 при журнале выходило специальное сатирическое прибавление «Новый живописец общества и литературы». В 1832 сменила его «Камер-обскура книг и людей» — острая, содержательная сатира. Журнал печатал произведения Лажечникова, В. Даля, Марлинского, В. Ушакова, Д. Бегичева, А. Вельтмана, самого П., из иностранных авторов — В. Скотта, Вашингтона Ирвинга, Гофмана, Мериэме, Б. Констана, В. Гюго, Бальзака и др.

В 1825—28 в журнале сотрудничали литераторы-«аристократы» из группы Вяземского — Пушкина: В. Одоевский, С. Д. Полторацкий, Е. Баратынский, С. А. Соболевский, Я. Толстой, А. Тургенев. Вяземский был ведущим, острым критиком. С 1829 произошел разрыв с Вяземским, когда П. стал резко критиковать «Историю государства Российского» Карамзина; началась полемика с «литературной аристократией». Направление журнала стали определять всецело статьи самих бр. Полевых. Фактическим главным редактором становится Ксенофонт Полевой. Николай П. переключился на другие литературные замыслы: «Историю русского народа» (т. I — VI, 1829—33), беллетристику. Сильно возросла роль Марлинского как беллетриста и критика. П. был не меньше Карамзина «монархистом». Но он упрекал Карамзина за то, что тот был больше летописцем-рассказчиком, чем историком-исследователем. П. считал, что идея государственности не распространяется на древний (до Иоанна III) период, что тогда было не русское государство, а множество удельных государств. Карамзин не видел исторической необходимости, оправданной целесообразности в антибоярской политике Ивана Грозного и Бориса Годунова (здесь сказалась антидворянская, буржуазно-купеческая ориентация самого П.).

П. опубликовал в «Московском телеграфе» более 200 статей, заметок. Он был провозвестником идей свободного буржуазного развития. Права русского «третьего сословия» он обосновывал в речах, читанных в Московской практической академии коммерческих наук: «О невестественном капитале» (1828), «О купеческом звании» (1832), и в предисловии к сво-

ему роману «Клятва при гробе господнем» (1832). Он прославлял господствующее во Франции «равенство» всех перед законом, сочувствовал революции 1830, приведшей крупную буржуазию к власти («Нынешнее состояние драматического искусства во Франции», 1830, ч. 34, № 15 и 16; рец. на брошюру «Горе от ума», 1831, ч. 36, № 16; и др.). П. считал, что причины французской революции 1789 «глубокие, разнообразные, деятельные и могущественные». Но П. принимал лишь результаты революции, а не ее насильственные способы. В позиции П. сказались компромиссность русской буржуазии, шедшей на союз с царским самодержавием. Это предопределило и капитуляцию его перед властью, когда она закрыла в апреле 1834 «Московский телеграф» за либеральное направление, использовав в качестве повода неодобрительный отзыв П. об ура-патриотической драме Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» (в № 3), от постановки которой в Петербурге был в восторге Николай I.

В лучшую пору своей деятельности П. был глашатаям романтизма, преимущественно французского: творчества Гюго, А. де Виньи, Констан. Философскую основу для своих построений П. нашел в эклектической системе В. Кузена. П. стал вводить принцип историзма в критику. Особенно важны его статьи: «Нынешнее состояние драматического искусства во Франции» (1830, ч. 34, № 15 и 16), «О новой школе и поэзии французов» (1831, ч. 38, № 6), «О романах В. Гюго и вообще о новейших романах» (1832, ч. 43, № 1, 2 и 3), «О драматической фантазии Н. Кукольника «Торквато Тассо» (1834, ч. 55, № 3 и 4). Из русской литературы важны его статьи о сочинениях Державина (1832), балладах и повестях Жуковского (1832), о «Борисе Годунове» Пушкина (1833), рец. на сочинения Кантемира, Хемницера и др., объединенные затем в «Очерках русской литературы» (ч. 1—2, Спб., 1839). П. стремился опереться на биографические факты, впервые придав им принципиальное значение в монографическом исследовании художника слова. Его статьи о различных писателях представляют собой элементы складывавшейся у П. целостной историко-

литературной концепции, предварявшей концепцию Белинского.

П. рассматривал «романтизм в поэзии как либерализм в политике» (слова Гюго), как средство утверждения нового, демократического, антидворянского искусства. Принципы свободы творчества, раскованного от стеснительных правил и регламентаций, сокрушение нормативизма проповедовал П. Правда, П., по словам Белинского, больше отрицал, нежели утверждал, больше оспаривал, чем доказывал. Но в статьях последних лет существования «Московского телеграфа» он все определеннее развивал тезисы объективной, исторической эстетики, выступая против субъективистской эстетики вкуса, произвольных суждений. «Рассматривайте каждый предмет, — писал он, — не по безотчетному чувству: нравится, не нравится, хорошо, худо, но по соображению историческому века и народа и философическому важнейших истин и души человеческой» (1831, ч. 37, № 3, с. 381). В этих рассуждениях П. выступал как прямой предшественник Белинского.

Но, воюя за «истину изображения», П. все же оставался романтиком и понимал свою задачу ограниченно. Он восставал против эстетической диссертации Н. И. Надеждина, провозглашавшего важный тезис: «Где жизнь — там и поэзия», хотя, как отмечают исследователи, может быть, под влиянием того же Надеждина сам П. все больше начинал признавать примат действительности по отношению к искусству и роль объективно-исторических обстоятельств, влияющих на творчество художника (см. отзыв о «Торквато Тассо» Кукольника, 1834, ч. 55, № 3 и 4). Все же «нагая истина» ему казалась антиэстетической: «Истина ли изображения составляет цель изящного произведения?» (1832, ч. 43, № 4, с. 539). П. исходил из тезиса, что существует якобы извечное противоречие между поэтом и обществом. При этом он не знал, как устранить это противоречие, и капитулировал перед ним. «И мир и поэт — оба правы; общество ошибается, если хочет из поэта сделать своего работника... наряду с другими, поэт равно ошибается, если подумает, что его поэзия дает ему такое же право на место меж-

ду людьми, какое дает купцу его аршин, чиновнику его канцелярия, придворному его золотой кафтан» (1834, ч. 55, № 3). Первоначально П. отрицал идеи предисловия Гюго к драме «Кромвель». Но позднее П. принял тезисы Гюго относительно «контрастного» изображения жизни как соответствующего «духу времени», поняв, что романтизм—это «разнообразие, разрушительный, дикий порыв», «борьба духа» (1832, ч. 43, № 3, с. 375). Но соединение противоположных элементов он признавал только на почве романтизма. В творчестве Пушкина и в особенности Гоголя П. не признавал это законным и эстетическим.

П. начисто отказывал всей русской литературе XVIII в. в оригинальности, делая уступку только Державину. Сурово осуждал за подражательность Карамзина. И «Бориса Годунова» Пушкина он осуждал за якобы рабское следование Карамзину-историку, проглядев важную для Пушкина проблему народа. Более объективную оценку великого поэта П. дал в некрологической статье «Пушкин» в «Библиотеке для чтения» (1837, т. 21). Еще хуже обстояло с оценкой Гоголя. «Ревизор» он называл «фарсом», в «Мертвых душах» видел лишь «уродство», «бедность» содержания. П. не понимал гротескности Гоголя, его реалистических контрастов, сочетания высокого и комического.

П. известен и как беллетрист. Он написал ряд романов и повестей в романтическом духе: «Эмма» (1829), «Клятва при гробе господнем» (1832), «Живописец» (1833), «Блаженство безумия» (1833), «Аббадона» (1834). Некоторые из произведений были объединены им в двухтомном издании под названием «Мечты и жизнь» (1834). Как показывает уже само заглавие сборника, П. исходит все из того же тезиса: «Мечты поэтов не годятся для мира вещественного», они разбиваются в жизненных схватках. Излюбленный конфликт у П.—столкновение поэта-мечтателя с прозой жизни. П. не преодолел дуализма романтического взгляда на действительность, не смог диалектически разрешить вопроса о связи индивидуума с обществом. Наиболее ценными из его прозаических опытов были «Рассказы русского солдата» и «Мешок с золотом» (1829), написанные в манере, приближающейся к реалисти-

ческой, в форме бесхитростного сказа. Пережив потрясение в связи с закрытием «Московского телеграфа», П. в 1837 переезжает в Петербург, сближается с Булгариным, Гречем. Сотрудничал в «Северной пчеле», но не сумел ее «облагородить» и ушел от Булгарина в 1838. В 1840 он сложил с себя обязанности редактора в «Сыне Отечества» Греча. П. бедствовал с семейством. В угоду «официальной народности» он пишет репительные драмы для Александринского театра: «Дедушка русского флота» (1838), «Параша-сибирячка» (1840), «Иголкин, купец новгородский» (1839), «Ломоносов, или Жизнь и поэзия» (1843). Ценным был лишь прозаический перевод «Гамлета» Шекспира (Мочалов играл по этому переводу). В 1842 П. редактировал «Русский вестник», но успеха не имел. Белинский преследовал его за ренегатство. П. переживал мучительную драму. В 1846 он попытался порвать с реакционным окружением, по договору с Краевским начал редактировать «Литературную газету». Но вскоре наступила смерть. Белинский написал брошюру «Н. А. Полевой» (1846), в которой высоко оценил деятельность П. как издателя «Московского телеграфа».

С о ч.: Повести и литературные отрывки, ч. I—IV, М., 1829—30; Очерки русской литературы, ч. 1—2, Спб., 1839; Драматические сочинения и переводы, ч. I—IV, Пб., 1842—43.

Лит.: В. Г. Белинский, Н. А. Полевой. Полн. собр. соч., т. IX, М., 1953, с. 671—696; Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947; Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого, Спб., 1888; Н. К. Козмин, Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи, «Зап. историко-филологич. ф-та имп. Санкт-Петербургского ун-та», 1903, ч. LXX; Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова, Л., 1934; В. Е. Евгеньев-Максимов и В. Г. Березина, Н. А. Полевой. Очерки жизни и деятельности, Иркутск, 1947 (указатель произведений П. и литературы о нем); В. Н. Орлов, глава о «Московском телеграфе». В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1, Л., 1950, с. 255—299; В. Г. Березина, Н. А. Полевой в «Московском телеграфе», «Уч. зап. ЛГУ», 1954, № 173, вып. 20, с. 84—142; М. А. Ванюшина, Журналь-

